

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АРМЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

К. Н. ЮЗБАШЯН (Ленинград)

Почва для политических отношений между Арменией и Византией была подготовлена еще в древности. После того, как Рим воступил в области восточного Средиземноморья, овладев наследством Александра Македонского, а Иран вышел из эллинистического мира, кавказские государства стали жертвой противоборствующих движений с востока и запада и вынуждены были лавировать между Ираном, с одной стороны, Римом, а впоследствии Византией — с другой¹. В конце III в. н. э. борьба между Римом и Ираном приняла весьма острый характер. В 293 г. к власти пришел шаханшах Нарсес, который до этого занимал армянский престол. Нарсес задался целью вернуть Месопотамию, которую персы утратили в 288 г. В 296 г. Иран начал военные действия. Цезарь Галерий проиграл сражение, Месопотамия досталась персам. Но в 297 г. Галерию удалось разбить противника в Армении, лагерь, гарем и сокровища шаханшаха были захвачены римлянами. Персы вынуждены были подписать в Нисибине мирный договор (298), согласно которому они покидали Месопотамию, уступали империи южные армянские области (до Арацани и Вана). Иран признал верховное владичество римлян над Арменией и Грузией. На армянском престоле утвердился царь Трдат, власть которого на востоке распространялась также и на Атропатену. Номинально ему подчинялись и южные области, *gezones transtigrinanes*, по обозначению Аммиана Марцеллина². Эти события знаменуют начало армяно-византийских отношений. Империя утвердила свое влияние в Армении, последовавшее вскоре признание христианства государственной религией еще более укрепило эту зависимость.

Дальнейшие события непосредственно отражают противоречия между Ираном и Византией, когда каждая сторона стремилась утвердиться в Армении, занимавшей столь важную в стратегическом отно-

¹ С. Тоуманов, *The social background of Christian Caucasia*, p. 72, в кн.: *Studies in Christian Caucasian History*, Georgetown University Press, 1963. Под «Кавказом» С. Тоуманов понимает территории Армении и Грузии, а также Албании Кавказской, ср. p. 11—12.

² Н. Адонц, *Армения в эпоху Юстиниана*, СПб., 1908, стр. 42—44 (англ. пер.: *Nicholas Adontz, Armenia in the period of Justinian...* translated with partial revisions, a bibliographical note and appendices by Nina G. Garsoian, Louvain, 1970, p. 35—36); С. Тоуманов (см. *The third-century Armenian Arsacids. A chronological and genealogical commentary*, REArm, VI, 1969, p. 263—265) высказывает важные соображения по поводу того, что Трдат, пришедший к власти в 287 г., — Трдат IV, до него в Армении правил его дядя по отцу Хосрову II — Трдат III.

шении территорию. Действия Византии на протяжении ближайших столетий оказались более успешными. В результате первого раздела 387 г. (ряд ученых настаивает на 384 г.)³ к Византии отошла часть Армении, расположенная западнее линии, проходившей мимо Карина-Феодосиополя и Нисибина. Второй раздел (591 г.) значительно расширил пределы подвластной империи армянской территории.

Византия предпринимала решительные попытки нивелировать специфику Армении, внедрить повсюду имперский правопорядок, но арабское завоевание свело на нет все эти успехи. Армения оказалась оторванной от Византии. Арабским завоеванием Армении, т. е. второй половиной VII в., завершается первый период в истории политических отношений между Византией и Арменией.

Эти отношения восстанавливаются в конце IX в., когда начинают формироваться новые армянские государственные образования. В 886 г. армянская знать возвела на трон князя князей Армении Ашота Багратуни. Ашот стал царем Ширакского царства, халифат признал его права, Ашот получил корону и прочие инсигнии власти. Сразу же вслед за этим права Ашота были признаны Византией. Начинаясь новый период в армяно-византийских отношениях, не менее богатый драматическими событиями, когда империя решила вновь овладеть Арменией. Казалось, была разработана долговременная программа действий—настолько последовательно происходили события, связанные с подчинением отдельных областей Армении. В 966 г. в результате длительной дипломатической подготовки и военного вмешательства был занят Тарон, где правили представители боковой ветви Багратидов. В 1000 г. был умерщвлен Давид Куропалат—правитель Тайка и началась кровавая борьба за эту область. В 1016—1021 гг. Византия овладела Васпураканом⁴. В 1045 г. было захвачено Аннийское (Ширакское) царство. В 1064 г. империя приобщила к своим владениям Карсское царство. Но история, кажется, повторилась: в VII в. результаты византийского завоевания были упразднены арабами, в XI в. подобную роль сыграли турки-сельджуки. С 1047—1048 гг. начались их систематические походы в Армению, которая вскоре оказалась утраченной для Византийской империи, на этот раз навсегда. Битва при Манцикерте (1071) является гранью, завершающей второй период в истории армяно-византийских отношений.

Сельджукское нашествие и политика Византии в Армении привели к тому, что малоазийские земли стали вновь заселяться армянами, появились армянские княжества в Сирии и Киликии. Киликийское армянское государство просуществовало до 1375 г. С этими образованиями пришлось столкнуться Византии, с ними она вступала в политические отношения. Стремясь утвердиться в Киликии, Иоанн I и Мануил I

³ Ср. E. Stein, Histoire du Bas-Empire, Paris, 1959, p. 00

⁴ О различных датировках этого события см. С. Г. Агаджанов, К. Н. Юзбашян, К истории тюркских набегов на Армению в XI в., Палестинский сборник, № 13 (76), 1965).

предприняли ряд походов, но армянам удалось обеспечить себе независимость от империи. В этот период отношения с мусульманскими правителями и крестоносцами играют большую роль в жизни Киликийского государства, чем отношения с Византией, хотя роль ее все же достаточно велика.

Третий—последний—период в развитии армяно-византийских отношений является непосредственным продолжением второго. Связи между Киликией и Византией начали угасать в XIII в., концом периода следует считать XIV в., когда прекратило свое существование Киликийское армянское государство.

Предложенная схема распространяется только на историю политических отношений между Арменией и империей, но, отталкиваясь от нее, легче представить характер взаимоотношений между Византией и армянами в самых различных областях.

Территории Армении, оказавшиеся под византийским владычеством в политическом отношении являли следующее. К западу от Евфрата располагалась Малая Армения, которая уже при Веспасиане (69—79) была окончательно превращена в римскую провинцию, вначале в составе Каппадокии, а затем отдельно. При Феодосии I (между 378 и 386 гг.) Малая Армения была разбита на две половины: Армению Первую с центром в Севастии и Армению Вторую с центром в Мелитине. Между Евфратом и линией раздела располагались: на севере—бывшие аршакидские владения (эта часть продолжала называться Великой, или Внутренней Арменией), на юге, в излучине Евфрата,— «сатрапии». Малая Армения была обычной византийской провинцией, и специфика ее, насколько позволяют судить скудные данные, обнаруживалась только в этнической принадлежности населения. Статус же вновь приобретенных территорий был иным. Власть Аршакидов после раздела была упразднена⁵, был назначен специальный комит Армении, наделенный функциями гражданской власти. Империя продолжала соблюдать исконные права нахараров—наследственное владение землей и передачу ее применительно к майоратному началу, благодаря чему нахарарства не подверглись дроблению. Сатрапии, расположенные на юге, уже с 298 г. были вовлечены в орбиту имперской политики и с тех пор подчинялись Аршакидам скорее номинально, чем реально. В условиях византийского владычества они пользовались правами широкой автономии, власть их и владельческие права были объявлены наследственными и пожизненными, инсигнии они получали непосредственно от императора. Они возглавляли отряды с местным контингентом, в то время как византийских войск здесь не было. Но как сатрапии, так и Внутренняя Армения платили подати в казну⁶.

⁵ Прокопий утверждает, что власть Аршакидов в Армении была уничтожена лишь при Феодосии II (408—450): *Bell. Pers.*, 11, 3; *Aed.*, III, 1.

⁶ Когда персидский царь Кавад подошел к Мартирополю, местный сатрап Феодор сразу же сдал ему город и государственные налоги за два года.— *Proc. Aed.* 11. 2.

Положение резко изменилось при Юстиниане. Были произведены изменения в административном делении. Отныне вся византийская часть Армении подразделялась на Армению Первую (состояла из Внутренней Армении и части бывшей Первой, со столицей в Визане-Леонтополе), Армению Вторую (оставшаяся часть бывшей Армении Первой и прилегающие понтийские области, со столицей в Севастии), Армению Третью (бывшая Армения Вторая, со столицей в Мелитине) и Армению Четвертую (сатрапские земли со столицей в Мартирополе). Ныне верховное командование осуществлял византийский военачальник—*magister militum per Armeniam*. Армянские области были обложены налогом, квота которых, по-видимому, резко возросла. По одному из законодательных актов⁷ женщины должны были участвовать в наследовании, что неизбежно приводило к дроблению нахарарских владений. Права нахараров были ущемлены и это немедленно породило возмущение. Тем не менее, нивелирующая сила Византийской империи в полной мере распространилась и на Армению.

Проблемы византийского владычества в Армении наиболее детально разработаны в монографии Н. Г. Адонца «Армения в эпоху Юстиниана» (1908, также английский перевод с приложениями—1970). Результаты тщательного анализа, проделанного этим выдающимся ученым, прочно утвердились в науке. Но со времени издания книги Н. Г. Адонца прошло более 60 лет, а вторичное исследование на почве, подготовленной «Арменией в эпоху Юстиниана», с учетом достижений современной науки, безусловно, принесло бы новые результаты. В литературе же можно найти лишь частные замечания, содержащие коррективы к отдельным положениям Н. Г. Адонца.

В 591 г. по соглашению между Хосровом II (590—629) и императором Маврикием (582—602) значительная часть Персармении (так называлась Армения восточнее линии раздела 387 г.) отошла к Византии. Новая граница тянулась от Гарни к оз. Ван. Статус вновь приобретенных территорий известен нам очень плохо. По отрывочным сведениям из нарративных источников трудно судить о неизбежных новшествах. Но один вывод напрашивается сам собой—византийское правительство стремилось опереться на административные кадры, которые поставляло местное население. Армянские надписи VII в. пестрят византийской титулатурой, прилагавшейся к представителям местных нахарарских родов.

Арабское завоевание в течение нескольких десятилетий начисто упразднило успехи Византийской империи на пути завоевания Армении. Связь Византии с основными районами Армении была прервана. Но политическая доктрина оставалась прежней и патриарх Фотий проявил прозорливость, когда пустил в обращение легенду об аршакидском происхождении Василия Македонянина, в действительности вы-

⁷ Ed. Just. III; Nov. Just. XXI. Армении касаются также Cod. Just. I, 29, 5; X, 16, 13; Nov. Just. VIII, XX, XXI, Законодательные акты, касающиеся Армении, перепечатаны у Adontz-Garsoian, Armenia..., p. 2*—38*.

ходца из безвестной армянской семьи. Взгляд на армян как на подданных империи пересмотру не подвергался и вполне соответствовал тем последовательным усилиям, которые предпринимала империя при вторичном завоевании Армении. Занятые в X—XI вв. территории становились фемами во главе с дуками, стратигами, катепанамн. Добиваясь устранения местных династов, империя, однако, охотно предоставляла вакантные места фемных правителей армянам, являвшимся сюда из внутренних областей империи, и даже местным выходцам. По-видимому, длительная дипломатическая подготовка, предшествовавшая аннексии, в сочетании с текущей политикой по отношению к местному населению давала свои плоды. Византия могла опереться на администраторов армян—халкидонитов или даже армян, оставшихся в лоне национальной церкви (как, например, в случае с знаменитым Григорием Магистром). Деятельность отдельных представителей византийской администрации—таких как Григорий Бакуриан, Баграт Вхкаци, Григорий Магистр—изучена весьма подробно, но целостная история византийского управления в Армении пока отсутствует, хотя источники и обильны и многообразны. Новые материалы обещают опубликовать, в частности, собрание Эрмитажа, разработкой которого занята группа В. С. Шандровской. Проблема, разумеется, не сводится к исследованию деятельности отдельных правителей, но касается статуса новых фемных образований на армянской территории. Эти вопросы разработаны еще меньше, чем персоналия. Исключение составляет, пожалуй, только фема «Иверия»⁸. И совсем не разработаны вопросы местного самоуправления, в то время как некоторые данные позволяют говорить об известной самостоятельности (правда, весьма ограниченной), которой пользовались приобщенные к империи территории.

С этой проблемой смыкаются вопросы экономической политики Византии. Здесь исследователь имеет дело с редкими упоминаниями в нарративных источниках и надписях, характер которых зачастую не дает возможности прийти к широким выводам и обобщениям. Тем не менее, и здесь можно говорить об определенных достижениях. В частности, очень важен вывод В. А. Арутюновой относительно роспуска Константином Мономахом «иверского» войска и введения взамен этого налога, который выплачивало население фемы. Исследовательница пришла к правильному выводу о том, что эти сведения касаются не Грузии, а фемы «Иверия», созданной из владений Давида Куропалата, убитого в 1000 г.

Тщательному анализу подлежат данные о социально-экономических институтах, налоговой системе и др., сохранившиеся в надписях. На основании надписи 1051 г. из Кечаройка можно прийти к выводу, что византийская экскуссия-иммунитет внедрялась также и в Армении. В *SUḆNḆSḆNḆPḆ* армянской надписи из Ани Р. М. Бартикян усматривает византийский эникий⁹. Надо сказать, впрочем, что и нарратив-

⁸ В. А. Арутюнова. Фема «Иверия». Благодаря любезности автора я имел возможность ознакомиться с подготовленной к печати работой еще в рукописи.

⁹ Р. М. Бартикян, «Эникпон» в Византии и столице армянских багратидов Ани

ные источники еще не исчерпаны и их разбор в интересующем нас аспекте может привести к важным результатам.

Много хуже обстоит дело с политикой Византии в Киликии. Проблема фактически не изучена, хотя для характера понимания отношений между Киликией и империей это имеет первостепенное значение.

Среди проблем, одинаково важных и для византистики и для арменологии, особое место занимают вопросы эмиграции армян в Византийскую империю. Отток в Византию начался после раздела 387 г., но особенно ощутимым он стал в связи с арабским нашествием и при сельджуках, когда наряду с эмиграцией имела место—притом, в очень широких пределах—скрытая и явная депортация армян в Византию. Армяне становятся военачальниками, занимают высшие государственные должности, принимают деятельное участие в церковных делах, вносят свой вклад в развитие византийской культуры. Множество раз византийский престол занимали лица армянского происхождения. Эти вопросы начали разрабатываться в науке издавна, очень важны в этом смысле работы Н. Г. Адонца, появившиеся в 20-ых—30-ых гг., опубликовано исследование П. Хараниса, предпринявшего попытку дать целостное представление об армянах в Византии¹⁰. Данные источников на этот предмет многочисленны и возможно, по-видимому, наметить пути и хронологию эмиграции и даже выявить известные закономерности в этом процессе. Во всяком случае, исследованию подлежат не только биографии отдельных лиц, но определенная прослойка армяно-византийского общества, сыгравшая немалую роль в судьбах империи. В этом смысле интересно проследить этническую сторону павликианского движения. Зародившись в VI или, как думают некоторые исследователи, в VII в., это движение распространилось в районах империи, издавна заселенных армянами. Армяне, по-видимому, составляли значительную часть павликиан, само название «павликиане»—армянского происхождения. Большинство руководителей движения были, бесспорно, армянами¹¹. Этническая общность была фактором, определившим известную преемственность тондракитского движения в Армении по отношению к павликианству. Уместно отметить, что армянские источники о павликианах чрезвычайно важны для изучения павликианства во всех его аспектах¹², и это обстоятельство объясняет особый интерес армянистов к данной проблеме.

в эпоху византийского владычества (1045—1064 гг.), Историко-филологический журнал АН АрмССР, № 2 (41), 1968, также REArm, VI, 1969. Выводы автора кажутся спорными—армянский термин обозначает не налог, а институт танутэрства. Танутэры упомянуты и во второй части надписи, выпавшей из поля исследования.

¹⁰ P. Charanis, *The Armenians in the Byzantine Empire*, Lisbon, 1963.

¹¹ Еретики сохранили даже некоторые этнографические черты, присущие армянам, см. Р. М. Бартикян, Следы армянских сектантов в Северной Греции, ИАН АрмССР, общ. науки, 1956, № 3 (на арм. яз.), также REArm, I, 1964.

¹² Р. М. Бартикян, Источники для изучения павликианского движения, Ереван, 1961; N. Garsolan, *The Paulician Heresy*, Paris—Nague, 1967. Ср. рец. К. Н. Юзбашьяна в REArm, VI, 1969.

В греческий язык византийского периода попадают армянские слова, некоторые из которых непосредственно связаны с родом занятий армян в империи¹³; армянские заимствования из греческого относящиеся к тому же периоду—многочисленнее. Византийский эпос о Дигенисе Акрите, созданный на востоке империи, в областях, составляющих части исторической Малой Армении, изобилует персонажами армянского происхождения (образы некоторых героев эпоса навеяны воспоминаниями о павликианстве), в эпосе отражена историческая топонимика Малой Армении и ряд других моментов, обусловленных бытованием эпоса в смешанной (армяно-греческой) среде¹⁴.

Церковные отношения между Арменией и Византией складывались в непосредственной связи с отношениями политическими. В 314 г. христианство стало государственной религией Армении¹⁵. Церковь превратилась в могущественную организацию, роль которой особенно возросла в длительные периоды утраты государственной самостоятельности. Церковная ориентация чутко реагировала на изменения в политической ориентации. В IV в., как подметил Н. Г. Адопц, в армянской церкви соперничали род Григория Просветителя и род Альбиана, причем, выходя из первого добивались власти обычно в те периоды, когда возрастало имперское влияние, выходя из второго—когда побеждало влияние Ирана. Монофизитская Армения, не признав решений Халкидонского собора (451), оторвалась от православной Византии. Последняя не прекращала усилий, направленных на подчинение армянской церкви. Так было в начале VII в., когда значительная часть «Персармении» оказалась подчиненной Византии. Так было при Фотии, когда начала разрабатываться длительная программа отвоевания Армении. Так было во второй половине XII века в Киликии: попытка подчинить Киликийское армянское государство оказалась малоуспешной, и Византия стремилась компенсировать неудачу унией. Проблема, однако, не сводится к изучению отношений между церквями. Армяне, оказавшись в Византии, рано или поздно должны были принять православие. Среди них, однако, выделяется особая группа, которую мы вслед за Н. Я. Марром¹⁶ зовем условно «армянами-халкидонитами». Речь идет о той части армян, которая происходила из Тайка. Тайкская знать, принимая православие, постепенно огузинивалась, и происхождение отдельных ее представителей определить подчас нелегко. Термин «ивер» в этот период может указывать не на этническую, а конфессиональную принадлежность. Это хорошо видно на примере Григория Вхкаци из греческой надписи 1006—1007 г. Грамматическое оформление его патронима с характерным для армянского суффиксом аци ука-

¹³ Р. М. Бартикян, О двух византийских военных терминах восточного происхождения, Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1970 № 8 (332).

¹⁴ Р. М. Бартикян, Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для арменоведения, Ереван, 1970 (Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук).—Здесь на стр. 72—74 список опубликованных автором работ по широкому кругу вопросов дигенистики. Сдержанная ха-

зывает на армянское происхождение этой фамилии, тогда как и Григорий, и отец его Сambat названы в надписи «живерами»¹⁷. Конечно, в каждом отдельном случае при определении этнической принадлежности могут быть колебания, причем сложность обусловлена не только характером информации, которой мы располагаем. Сложна была сама среда, в которой смешанные браки были обычным явлением¹⁸, сложна была культура в области с неоднородным населением. Poleмика по поводу этнической принадлежности Григория Бакуриана отражает, помимо всего прочего, эти сложности объективного характера, когда понятия «армянин» или «грузин» явно недостаточны для определения этно-культурной принадлежности. Во всяком случае, наличие определенной прослойки «армян-халкидонитов» сомнению не подлежит.

Суждения о конфессиональной принадлежности византийских армян носят умозрительный по преимуществу характер. Конечно, армяне в Византии были, как правило, православными. Но это положение не всегда применимо, например, значительные массы переселенцев XI в., безусловно, оставались в лоне национальной церкви.

Исключительно велика роль Византии в формировании армянской средневековой культуры. Практически ни одна из ее областей не осталась в стороне от контактов с византийской культурой¹⁹. При этом, разумеется, следует помнить о сложном составе культуры самой Византии, где греческий элемент был преобладающим, но не единственным. Говоря о литературе (где армяно-византийские связи проявляются в наиболее осязаемой форме), можно говорить если не о равенстве, то, по крайней мере, о соизмеримости греческого и сирийского влияния, правда, не упуская при этом из виду, что сама сирийская литература формировалась в известном смысле под мощным воздействием греческой.

характеристика армяно-павликианских элементов в эпосе, содержащаяся в настоящей статье, не вполне совпадает с оценкой, данной Р. М. Бартикяном: последний в своих выводах идет много дальше и армяно-павликианскую подоснову, если можно так выразиться, считает определяющей.

¹⁵ P. A p a n i a n, La data e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore, Le Muséon, p. 335—344.

¹⁶ Н. М а р р, Аркауи, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах, СПб., 1905.

¹⁷ К. Н. Ю з б а ш я н, Греческая надпись патрикия Григория КНХКАЗИ (1006/1007 г.) и проблема авторства «Стратегикона». Сб. Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран, М., 1967, стр. 117—118.

¹⁸ А. Ш а н и д з е, Великий domestic Запада Григорий Бакурианис-дзе и грузинский монастырь, основанный им в Болгарии, Тбилиси, 1970, стр. 22—23. Здесь рассмотрена вся новая литература о Григории.

¹⁹ Речь идет о культуре в самом широком смысле этого слова, см. напр. А. П. К а ж д а н, Византийская культура (X—XII вв.), М., 1968, стр. 5: «вся совокупность творческой деятельности конкретного общества—от производства материальных благ до мифологии и художественных идеалов». Вообще же, если говорить о культуре как об аспекте (а не объекте) исследования, более верным представляется определение ее как мировоззрения и мировосприятия общества, реализуемое в его духовных и материальных ценностях. Момент реализации и отличает культуру от идеологии общества:

Древнейший памятник армянской литературы—Библия—был переведен с сирийского и затем тщательно отредактирован по греческому образцу. С греческого и сирийского переводились богословские сочинения во всем многообразии их жанров, памятники историографии, географические трактаты, философская литература, риторика, грамматические сочинения, житийная литература, юридические сборники. Через посредство этих переводов византийская литература оказала огромное влияние на армянскую, так же как и на армянский литературный язык: в процессе перевода философских сочинений создавались десятки новых слов—калек с греческого, которые сделали возможным появление научной лексики и прочно вошли в словарь также и новоармянского языка. Наличие богатой переводной литературы необходимо предполагает наличие определенного слоя людей, владеющих греческим и сирийским, обладающих познаниями в области византийской словесности. На этот счет имеются и конкретные упоминания в источниках. Речь идет, конечно, в первую очередь о духовенстве, но византийская литература была доступна и светским лицам. Во всяком случае, Григорий Магистр—ученый-энциклопедист XI в.—вряд ли был одинокой фигурой на протяжении всего периода развития армяно-византийских контактов и культурных связей. Через посредство византийской литературы и византийской рукописной книги Армения приобщалась к греческой античной литературе: в качестве примера можно назвать Мовсэса Хоренаци или того же Григория Магистра (примеры, разумеется, можно умножить).

Немалую роль сыграла Византия в формировании самой рукописной книги в Армении. Из Византии была заимствована форма кодекса, приемы расположения текста на листе, многие элементы декора. Греческое влияние на армянскую графику бесспорно, хотя это касается не конструктивных особенностей графики, а стиля в написании.

Говоря об армяно-византийских литературных связях, нельзя обойти вопрос, являющийся самостоятельной и очень важной научной проблемой. Речь идет об эволюции того взгляда, который сложился в Армении о Византии и о византийском воззрении на Армению и армян (эти взгляды нашли отражение почти исключительно в письменной литературе). Армянская литература содержит многочисленные сведения о византийской действительности и о прошлом Византии, и в такого рода пассажах—часто весьма значительных—сказывается вся сложность отношения армян к империи.

В равной степени это относится и к византийской литературе, хотя материалу здесь значительно меньше. Впрочем, в широкий научный оборот вошли лишь сведения, содержащиеся у Аммиана Марцеллина, Прокопия, Константина Порфирородного, но и они мало изучены в данном аспекте. Указатель византийских источников об Армении и армянах явится первым и очень значительным шагом по пути изучения этого важного вопроса.

Чрезвычайно сложны проблемы взаимодействия в области архитектуры и изобразительного искусства. Восприятие византийского и сирийского искусства явилось подлинно творческим процессом²⁰. Что касается изобразительного искусства, то здесь в каждой области прослеживаются черты, связывающие Армению и Византию, будь то скульптура, настенные росписи или миниатюры в рукописях. Эти связи сказываются и в общности стиля, и в общих иконографических схемах, но в различные периоды они проявляются по-разному, и мощное культурное воздействие Византии не исключает самобытности даже в киликийской книжной живописи, где византийские истоки сказываются ярче всего. Имело место и обратное влияние, которое выявляется по мере того, как раскрывается сложный характер византийского искусства.

В настоящей статье предпринята попытка выявить основные связи между Арменией и Византией²¹. Широкий охват всего круга проблем, в сочетании с углубленным исследованием, возможен лишь при наличии подобной схемы, в которой выявляются объективные исторические факторы и пути их взаимодействия.

ՀԱՅ-ԲՅՅՈՒՋԱՆԴԱԿԱՆ ՀԱՐԱՐԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՄԻ ՔԱՆԻ ՊՐՈՐԼԵՄՆԵՐ

Կ. Ս. ՅՈՒՋՐԱՇՅԱՆ (Լեհինգրադ)

Ա մ փ ո փ ու մ

Հայ-րյուզանդական հարաբերությունները նախապատրաստվել են դեռևս Հռոմի տիրապետության շրջանում: Բյուզանդական կայսրության հիմնումից հետո Հայաստանը ամենասերտ կապերի մեջ է մտնում նրա հետ: Մինչև XIV դ. (Կիլիկիայի հայկական թագավորության անկումը), անկախ Հայաստանի քաղաքական դրությունից, հայ-րյուզանդական հարաբերությունները բազմակողմանի դրսևորումներ են ունեցել: Հայկական պատմագրության մեջ մի շարք լուրջ փորձեր են արվել (Ն. Ադոնց, Հ. Մանանդյան և ուրիշներ) պարզարանելու հայ-րյուզանդական հարաբերությունների պատմությունը: Սակայն դեռևս կան բազմաթիվ հարցեր, որոնք խոր ուսումնասիրության ու լուսարանման կարիք ունեն: Դրանցից են՝ Հայաստանում բյուզանդական արքայապետության հետ կապված հարցերը, նորաստեղծ բանակաթեմերի կառուցվածքն ու վարչաիրավական դրությունը, Բյուզանդիայի անաեսական քաղաքականությունը, բյուզանդական վարչության հայազգի դործիչների դործունեությունը, բյուզանդական կայսրության քաղաքականությունը Կիլիկիայի հայկական թագավորությունում, հայ քաղկեդոնականների և Հայաստանի ու Բյուզանդիայի եկեղեցական հարաբերությունների հարցեր և այլն:

²⁰ См. Н. Я. Марр. Ереруйская базилика, Ереван, 1968.

²¹ Мы по существу располагаем единственной работой, в которой проблема армяно-византийских отношений разрабатывается во многих аспектах и в наиболее широких хронологических пределах,—имею в виду S. Der Nersessian, Armenia and the Byzantine Empire, Cambridge Massachusetts, 1945.